

И забурчало громко в животе;
Руками он зашарил в темноте.
Тут Алисон окно как распахнет
И высунулась задом наперед.
И ничего простак не разбирая
Припал к ней страстно, задницу лобзая.
Но тотчас же отпрянул он назад,
Почувствовав, что рот сей волосат.
Невзвидел света от такой беды:
У женщины ведь нету бороды.
«Фу! Что за черт! Ошибся я немножко».
«Ошибся? Да!» – и хлоп его окошком.
И повалился на землю простак.
«Ох, не могу. Ошибся он! Дурак! -
Покатывался Николас в светлице. -
Да от такого впору удавиться».
И это слышал все Авессалом
И понял, что забрался кто-то в дом.
«Ну, ладно, смейтесь», – он ворчал сквозь зубы.
Кто трет, кто оттирает рот и губы
Песком, листвой, соломой, тряпкой, пальцем?
Авессалом. Не будем над страдальцем
Смеяться мы и жалобам мешать:
«Я душу сатане готов продать,
Чтоб он помог мне с ними расквитаться.
Глупец! Глупец! Не мог я догадаться
И пакостное место оплевать!»
Тут начала любовь его сбывать
И ненавистью вскоре обратилась,
Когда представил он, что с ним случилось.
Вмиг исцелясь от своего недуга,
Неверную он клял, и клял он друга.
Как выдранный мальчишка, плакал он
При мысли, сколь позорно посрамлен.
И тошно стало тут ему до рези,
И вспомнил он о кузнеце Жервезе.
Кузнец в ту пору сошники ковал,
А ученик горнило раздувал.
Авессалом позвал его: «Жервез!»
А тот в ответ: «Кто это там прилез?»
«Да это я». – «Кто я?» – «Авессалом».
«Чего ж ты ломишься в семейный дом
В такую пору? Прямо от красотки?
Иль обалдел ты от любви и водки?
И что за спех? Иль ты не можешь лечь
И надо что-нибудь тебе прижечь?»
Авессалому было не до шуток,
Он весь дрожал, растрепан был и жуток.
«Друг дорогой, – сказал он тут Жервезу, -
Сошник горячий нужен до зарезу.
Тебе его сейчас же возвращу,
А днем в харчевне пивом угощу».
Жервез в ответ: «Хотя бы расплавлял
Я золото, а не простой металл,
И то бы другу не было отказу.